

КОЛОНКА ГОЛОВНОГО РЕДАКТОРА

**НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ГОВОРЕНИЕ-ПОВЕРХНОСТНОСТЬ
МАНИПУЛЯТИВНО-СОЗНАТЕЛЬНОГО УСТРОЕНИЯ
(АНТИ)ЧЕЛОВЕЧНОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА¹**

*Объективация есть всегда охлаждение творческого огня...
Объективация закрывает тайну жизни человека, мира и Бога...
Все, что происходит в мире и что производит на нас впечатление
чего-то внешнего и даже грубо материального,
имеет свой источник во внутреннем, в духовном.*
Н. Бердяев

Истина человека – то, что делает его человеком.
А. Сент-Экзюпери

Нельзя менять дары богов на дары людей.
Л. Шестов

*Нет такого института или такой вещи, которые
были бы выше любой человеческой личности.*
Э. Фромм

*Когда противник – не противник: то ли невидим, то ли неузнан,
то ли непонят, то ли недосыгаем... Внедрилось вдруг что-то, откуда-то
вылезло, каким-то образом залетело... и кружится, кружится, кружится...
Настойчиво, хищно, коварно... и губительно. Атака!*
Ю.М. Осипов

Актуальность поиска и формирования новых концепций и моделей современного бескризисного развития отражает особенность нынешней мировой кризисной ситуации, ибо «ни у политиков, ни у чиновников, ни даже у самых авторитетных экономистов пока нет четкого понимания, какими им (моделям) следует быть»². И это вполне закономерно, если учесть, что *пути и способы выхода из кризиса* ищутся в формате *тех же* воззрений, которые *его породили* и способствуют его всяческому углублению. Главный экономист МВФ О. Бланшар небезосновательно высказал *опасение*, что на преодоление нынешнего долгового кризиса миру может потребоваться *не одно десятилетие*. В общем-то, несмотря на мелкую суетную рябь на *поверхности* традиционного (материалистически-экономического, а в последние десятилетия повсеместно вмененного – неолиберально-экономического)

¹ Продолжение размышлений о роли *неоинституционализма* в современном кризисном длении бытия см.: Задорожный Г.В., Бервено О.В. Об очередной догме и панацее в экономической теории (институционализм – новый мейнстрим?!). // Экономическая теория в XXI веке – 4(11): Институты экономики. – М., 2006; Задорожный Г.В. Гламур экономической науки как выхолащивание сущностной рациональности // Социальная экономика, 2008, № 1-2; Задорожный Г.В. От догматического экономиксизма к спасительному человеческому хозяйствованию // Социальная экономика, 2011, № 2.

² Сколотяный Ю. Давос, МВФ и прочее // Зеркало недели, 28.01.2012. – С. 2.

мировоззрения, даже самые «авторитетные» экономисты не могут прыгнуть выше себя и рассмотреть проблему кризиса не в чисто экономическом формате, а в широком *жизнедеятельностном, спасительном для человека и Природы*, горизонте миропостижения.

Главные причины сегодня уже совершенно понятны. С одной стороны, в процессе *экономиксического обучения* (не образования!) их этому не учили; с другой стороны, современный научный экономический истеблишмент *«не может поступиться принципами»* служения капиталу и прибыли, пропаганда-вменение которых к тому же весьма прилично вознаграждается теми, кто сегодня, как и все последние три столетия, удерживает *финансовую власть*, устремленную к достижению *абсолютного господства* над человеком и миром. С третьей стороны, *профессиональная некомпетентность* среди экономистов *заикаливает*, ибо навязанное прозападное поверхностно-схематическое обрывочно-концептное подражательное мышление стало основанием нарастающего *непонимания* ни человека-личности, ни общества как *целостной* функционирующей системы, отнюдь *не сводимой* только к экономике.

Выход из нынешнего тупика, который лишь более наглядно и чувствительно проявляется в форме дряхлеющего с осени 2007 года финансово-экономического кризиса, требует *кардинального изменения формата миропонимания*, в котором *всеобщим основанием* должно стать понятие *целостности жизнеустройства*, в котором человек-*личность*³ творит свое *качественно иное возможное бытие*, стремясь к счастью на основе Любви и Добра. *Экономическое* здесь – всего лишь *средство*, но уж никак *не цель* и *не главная ценность*. Само понятие целостности, которое соотносится с *организмом, синергией, личностью, Универсумом*, вовсе уж не материальное, не техническое, а там более не экономическое. Оно из области *духа* и для своего понимания требует *мировоззренческого переворота*: от преклонения материальным ценностям и соответствующим этому идеям необходим переход к *господству духовно-нравственных ценностей*, *долженствующих господствовать в головах, сознании* людей, освобождая-постигая-реализуя тот *внутренний нравственный стержень*, вокруг которого формируется и *жизнебытийствует личность*, ибо он пред-задан *каждому* человеку в его *со-Вести*. Но *одномерно запрограммированному* экономическому квазимировоззрению нет до этого никакого дела, а поэтому риски с опасностями, трагизм и катастрофизм стали уже обыденными неизбежными спутниками нынешнего существования человечества.

В этой общей ситуации все же хотя и весьма трудно, но пробивает себе дорогу *взвешенная оценка* экономикс-ического мейнстрима, понимание того *действительного вреда*, который он нанес не только современной экономической науке, но и реальной экономике, оказавшейся благодаря его рецептам в кризисном тупике. Так, руководители ведущего научного экономического учреждения – Института экономики и прогнозирования НАН Украины академик НАНУ В.М. Гец и член-корреспондент НАНУ А.А. Гриценко констатировали, что **«мейнстрім, економікс, мікроекономіка, макроекономіка, міжнародна економіка та інші складові економічної теорії такої методологічної орієнтації неспроможні дати відповіді на історичні виклики. Їх категорійний склад, інструментарій, різноманітні моделі, прогнози тощо пристосовані до аналізу в основному збалансованої економіки, до вирішення проблем функціонування господарства, а реальна економіка перебуває у стані суттєвих перетворень, що змінюють не тільки форми, а й зміст економічних процесів. Саме тому наукові досягнення ряду нобелівських лауреатів, як зараз виявилось, добре вирішували лише локальні питання функціонування економіки, а**

³ См.: Задорожный Г.В. Личность как объект познания хозяйствоведческой науки // Социальная экономика, 2012, № 2-3; Задорожный Г.В. Личность как начало координат реактуализации политэкономических исследований // Социальная экономика, 2012, № 4.

перспективно створювали **підґрунтя** для **поглиблення економічних диспропорцій і посилення економічних ризиків**»⁴ (выделено жирным мной – Г. З.).

Подобная оценка нынешнего мейнстрима-экономикса, хотя и другими словами, уже несколько лет обосновывалась в публикациях нашего Вестника, что, безусловно, делает *честь научной экономической школе Харьковского классического университета*.

В этом формате следует продолжать выявлять и *критически оценивать* те течения современной экономической мысли, которые, по сути, представляют нынешний мейнстрим, хотя не стремятся афишировать свою «кровную связь» с ним. Понятно, что *обанкротившееся* современное *изначально кризисное* экономическое мировоззрение, пытается всячески агрессивно-апологетически защищать себя, находя гламурно-привлекательные *упаковки* для *очередного* провозглашения *«всепобеждающего* учения-волнопеня». В этом плане следует особо обратить взор на **неоинституционализм**, который в последнее десятилетие повсеместно и весьма жестко *вменяется-насаждается* общественному сознанию. Его приверженцы уже во всеуслышание провозгласили его как *«новый мейнстрим»* в экономической науке.

Но глубокий и взвешенный анализ обширнейшей, растущей как грибы после дождя, литературы по неоинституционализму позволяет увидеть в нем некую искусственно созданную *фальш-панель*, в подавляющем большинстве своем опирающуюся на досужие *поверхностные ярлычные* наукообразные *слово-пусто-блудия*: *буквально всё и вся обзывается институтами*, что породило новую форму империализма – экономическо-неоинституциональную, уже превратившуюся в *непонимающую повседневность*. Это не может не волновать *серьезно* мыслящих исследователей, ибо неоинституционализм как современная *гламурная* форма экономической неоклассики, *экономикс-изма* во многом направлена на сохранение-распространение *выхолощенного* узкоодностороннего, поверхностного миро«представ-ления»-вменения, претендующего не ниже, чем на статус «мета-теории». Современные *институтотерапевты*, пришедшие на смену вредоносным шокотерапевтам 90-х годов прошлого века, напрочь забыли о том, что «не случайно критики называли институционализм «теорией без теории», ибо классический – более фундаментальный институционализм «не сумел развить аргументированную и последовательную систему исходных принципов, в чем явно проигрывал неоклассике»⁵.

Неоинституционализм, распространивший ярлык «институт» на все движимое и недвижимое, реальное и виртуальное, понятное и непонятное (впрочем, как и сам термин «институт»⁶ в его неоинституциональной трактовке), весьма амбициозен потому, что «институт – организатор и стабилизатор, он же во многом и управитель, но и доминатор, инквизитор и эксплуататор. С одной стороны, вроде бы институт для человека и экономики, а с другой – нет, *совсем даже нет*, это человек с экономикой для институтов... И если контролировать институтообразование и институтофункционирование, то можно контролировать буквально все»⁷ (выделено мной – Г. З.). Стремление к *абсолютному тоталитаризму* было всегда, хотя и в разных формах, но сегодня оно через вменение неоинституционализма просто зашкаливает.

⁴ Геєць В.М., Гриценко А.А. Політекономічні й інституційні засади справедливості та усталеності соціально-економічного розвитку // Європейський вектор економічного розвитку. Зб. наук. праць. Вип. 2 (13) 2012. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля, 2012. – С. 41.

⁵ Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. – М.: УРСС, 2002. – С. 290.

⁶ В русском языке он был четко определен как воспитательное, учебное или научное заведение или учреждение. Узаконенное, уставное установление (Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2006, с. 297).

⁷ Осипов Ю.М. Предисловие // Экономическая теория в XXI веке – 4(11): Институты экономики. – М.: Экономистъ, 2006. – С. 4.

С другой стороны, нельзя не видеть сегодня того, что столь повсеместно насаждаемый неоинституционализм в практическо-хозяйственном плане почти *бесплоден*, он не может каким-либо образом способствовать *продуктивному* развитию реальной экономики, как-то влиять на решение острых *социальных* проблем и повышении *благосостояния* украинского народа. Отечественный неоинституционализм превратился в *самодовлеющее* течение неоклассической теории. Поэтому нельзя не согласиться с тем обоснованным мнением глубоко размышляющих исследователей, согласно которому «отдавая должное технике неоинституционального анализа, следует вместе с тем заметить, что полученные с его помощью *конечные выводы и практические рекомендации для постсоветской экономики нельзя признать удовлетворительными*. Собственно, *никаких содержательных предложений вообще нет*. Неоинституционализм в лучшем случае может ответить на вопрос: кто виноват? Но сам по себе он не дает ответа на вопрос: что делать?»⁸ (выделено мной – Г. З.).

Рассмотрим более подробно основные характеристики отечественного неоинституционализма и его роль в современной постсоветской экономической науке.

Неоинституционализм *по умолчанию игнорирует* не только *целостность* Универсума, но и *духовно-био-социальную целостную природу человека*, в которой именно *духовная ипостась* является *предначально определяющей* и именно её раскрытие-реализацию призваны обеспечивать биологическая и социальная ипостаси. Неоинституционализм со своей *всеядностью институтов как норм и правил* всецело находится в традиционном формате *био-социальной* парадигмы понимания человека как общественного *животного*, то есть, по сути, *не видит* реального *целостного* человека, развертывание глубинной природы которого и его самопостижение и самореализация происходят прежде всего в *духовной сфере* и лишь *затем* проявляются в разного рода *социальных* формах, среди которых находятся и институты-нормы. При этом само понимание *институтов как норм и правил* является *весьма упрощенной мыслительной схемой*, которую всячески насаждают (*зомбируют*) индивидуальному и общественному сознанию, видя *цели* развития там, где находятся *только* его *средства* (не всегда продуктивные с точки зрения *человекоспасения*). И человека в силу его размыслительной *лености* заталкивают в «комнату *кривых зеркал*», не только *искажающих* картину реальности, но и начинающих империалистически грубо *диктовать* свои поверхностно-внешние требования к самому миропониманию и человеку, но уже не «экономическому», а «*институциональному*», т. е. такому, на которого изначально вмененно натягивают «рубашку-клетку» смиренных институтов-норм.

Предваряя всё последующее изложение заявленной темы, сразу же хочу подчеркнуть, что *институционализм* в его *глубинном классическом* понимании должен *творчески* развиваться как одно из *обслуживающих* научных направлений постижения *целостности* Универсума и человека. Но в этом творческом развитии необходима *мера*, *несоблюдение* которой весьма *односторонне-вредносно* сказывается на процессе миропостижения, формирования целостного мировоззрения, оборачивается, как правило, социально-экономическими *деформами* и *катастрофами*. Совершенно не зря всемирно известный историк и антрополог А. Дж. Тойнби, зная толк в человеческой истории, акцентировал внимание на том, что «*идолизация институтов – непростительная интеллектуальная и духовная ошибка, которая приводит к социальной катастрофе*»⁹ (выделено мной – Г. З.).

⁸ Грималюк А.В. Сверхпредпринимательство (Методологические основы концепции двухуровневой рыночной экономики), 2-е изд. – Киев: Аврор, 2007. – С. 3.

⁹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 2003. – С. 551. Кстати, проблема *идолов* и *идолизации* как отдельный аспект *демонологии* практически не разрабатывается современной научной методологией. Вместе с тем следует вспомнить знаменитое учение Ф. Бэкона об идолах (призраках). В этой связи Н.Б. Шулевский пишет: «Призраки – опаснейшие феномены, ибо они состоят из самых ядовитых веществ и самых глубоких заблуждений разума. Отсюда следует их чудовищнейшая агрессивность к разуму и сознанию, которых они

Подобной *идолизации* и служит всецело нынешний неoinституционализм, подводящий всех и вся под ярлык «институт», представляя-трактуя такой *институт* (а вовсе не человека-личность!) в роли главного действующего лица исторического развития. При этом неoinституционалисты *не обращают* ни малейшего *внимания* на взвешенные *критические оценки* их теории, продолжают вращаться в собственном искусственно созданном мирку господствующих в их воображении *институтов-норм*, который уже ими превращен в *самоцель-замкнутость*, а, стало быть, и весьма *оторвался* от реальности, и стал для них как бы самой действительностью.

Понять суть и истоки неoinституционализма невозможно без постижения массового американского духа, того, что отражается в так называемой массовой американской культуре. Американская толпа (а именно из Америки идет повсеместное *насаждение* неoinституционализма, ибо там его «научная родина»), как свидетельствует прот. А. Шмеман¹⁰, отличается *«безличностью»*. «Конечно, толпа, «средний человек» всегда и всюду безличны, но в Европе за каждым человеком чувствуется «тайна», она как бы просвечивает в выражении его лица, в походке, во всем. И вот именно этой тайны не чувствуется в американце. Мне кажется, что он ее панически боится, не хочет ее, убивает в себе. И что вся американская цивилизация направлена на то, чтобы помочь человеку в этом. Она вся построена и действует так, чтобы человек никогда, по возможности, с этой тайной не встретился лицом к лицу»¹¹.

Каждый из американцев репрессирует в себе эту тайну, от чего появился американский невроз и так расцвели психология, психоанализ, психотерапия, помогающие страстному желанию «тайну» свести к закону природы, к таблице умножения, классифицировать и тем самым «разрядить» ее. Американец «тайну» «научно выбалтывает». Науке он благодарен прежде всего за то, что она дает ему готовое объяснение, освобождение от *искания* (которое и есть в человеке выражение его соотношения с заключенной, живущей в нем «тайной»)… американец глубок, как и все люди, только, в отличие от других, он *не хочет* глубины, боится ее и ненавидит ее»¹². Поэтому страх перед тайной и ее сущностью, потребность *не встретиться* с самой тайной жизни диктуют единственный способ сделать их «не страшными» – ввести их в *обряд*, сделать их *«повторяемостью»*. Отсюда, как пишет А. Шмеман, американская цивилизация, американская жизнь насквозь религиозны, но в очень глубоком смысле, в смысле мира **до христианства**, мира, не освобожденного от природной «сакральности», противоположной христианскому «сакраментализму». «Сакральность – это совсем не ощущение *божественности* мира, а, наоборот, – его *демоничности*, не радости, а страха, не приятя, а бегства. Это система «табу», при помощи которой человек полагает между собой и жизнью (и это значит – между собой и своей «тайной») некую

пытаются насильственными путями, т. е. террором, сделать разновидностью ядов и заблуждений. Ф. Бэкон требовал создать особую естественнонаучную методологию для специального изучения этих ядов тела и сознания человека, назвав ее «естественной теологией» [Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. – М., 1971, с. 322]. (Кстати, еще задолго до призрака коммунизма по Европе шастали призраки рынка, призраки убитого отца и др…)» (Шулевский Н.Б. Терроризм в зеркале философии // Философия хозяйства, 2005, № 3, с. 108). «Власть демонов огромна, и наиболее современные средства массового внушения – пресса, радио, кино etc. (и наукообразные догмы – Г. З.) – к их услугам» (Юнг К.Г. Аналитическая психология. – М., 1995, с. 196). Но, как подчеркивает Н.Б. Шулевский, «не обо всем же надо говорить непосвященным» (там же, с. 109).

¹⁰ Протопресвитер Александр Шмеман был деканом Свято-Владимирской семинарии (США), которая под его руководством стала одной из наиболее крупных богословских школ православного мира; являлся почти бессменным секретарем Совета епископов Американской Митрополии, проповедником и богословом.

¹¹ Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983. 3-е изд. – М.: Русский путь, 2009. – С. 242.

¹² Там же. – С. 242-243.

непроницаемую преграду, фильтр, фильтрующий жизнь и не допускающий «тайну». И в этом смысле – пуританское прошлое Америки и ее антипуританское настоящее на глубине – явления того же порядка. Отвержение, снятие одного «табу» есть всего лишь замена его другим «табу»¹³. Но слово «табу» в силу своей старомодности заменено словом «институт». И суть здесь открывается вполне понятная: институты (нормы¹⁴ – в неинституциональной трактовке) получают такое широкое распространение там, где необходима *постоянная* замена «табу»¹⁵, а не живые проявления сущности жизни, истоки которых находятся в *глубине личности*, откуда идут самобытность и творчество¹⁶. Здесь именно и надо искать ответы на вышесказанные вопросы и видеть причину *схоластической пробуксовки* отечественного неинституционализма.

С другой стороны, не следует забывать, что неинституционализм сформировался под влиянием *протестантизма*, специфика которого заключается в *уничтожении эсхатологии христианства*, а тем самым и в отвержении проблемы *одухотворения*. «Мир сотворен как общение с Богом, как восхождение к Богу, сотворен для одухотворения, но он не есть «бог» и потому и одухотворение есть всегда также и преодоление мира, освобождение от него. Мир, таким образом, есть «тайнство». Роковая ошибка протестантизма в том, что, справедливо восстав против «имманентизации» христианства в средневековом католичестве, он отверг «тайнство», не только религию как грех и падение, но и «религиозность» самого творения. Церковь есть совокупность «спасенных», но спасенных «индивидуально» (я спасен!), так что их спасение ничего не означает для мира, ничего в нем не «творит», не есть *спасение мира*, совершающееся в спасении каждого человека»¹⁷. Спасение «в себе», без отнесенности к «миру», есть *отрицание от космологии*, а тем самым протестантизм отрекается и от эсхатологии. И эта специфика протестантизма, которая, с одной стороны, *спасенность* индивидуализирует, в том смысле, что делает ее «личным» спасением; а с другой стороны, *опустошает* спасенность от всякого «космического» и «эсхатологического» содержания, делает человека *предельно одиноким*, оторванным, отъединенным от мира, от истории, от Царства Божия. И в результате Церковь становится *сектой*, где спасение от одиночества происходит парадоксальным образом – *ценой полного растворения личности* в «секте», в «культе» спасителя – лидера, который руководит борьбой за индивидуальное

¹³ Там же. – С. 244.

¹⁴ Норма вообще связана с ограниченностью опыта и тиранией «средне-нормального сознания». Н. Бердяев писал по этому поводу, что «люди ограниченного опыта *гордятся своей ограниченностью* и возводят эту *ограниченность в норму*. Создается *тирания «средне-нормального сознания»*, границы которого отождествляются с границами человеческой природы вообще. «Средне-нормальное сознание» нашего времени *отрицает духовный опыт*, отрицает возможность чудесного, отрицает всякую мистику. Даже в религиозную жизнь проникает «средне-нормальное сознание» и утверждает там свой позитивизм. «Средне-нормальное сознание» есть сознание *природного* человека, есть укрепление природного мира, как *единственной* реальности, и есть *отрицание духовного человека, духовного мира, духовного опыта*. Это есть *мещанское сознание этого мира*, самодовление и *самоуверение, ощущающее себя господином* положения в этом мире» (Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999, с. 46-47) (выделено мной – Г. З.).

¹⁵ Даже культ *новизны* в американской цивилизации становится частью *обряда*, может быть, даже его питательной силой (там же, с. 243).

¹⁶ В данном аспекте, который является фундаментальным, и именно из него должно исходить мышление-осмысливание, весьма важно понимать, что «на уровне творения вообще нет законов, что закон всегда на *втором* плане»; «на уровне творения нет законов, *ничто не творится по законам*» (Мамардашвили М. Картезианские размышления. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1999, с. 43, 48) (выделено мной – Г. З.).

¹⁷ Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983. 3-е изд. – М.: Русский путь, 2009. – С. 443.

спасение, требуя от всех *отдать свою волю ему*¹⁸. В этом заложены *корни законничества*, которое неизбежно оборачивается *искажениями духовной жизни*, тем, что на арену выходит *социальная детерминация, социальное насилие*, принуждение как процесс *социальной объективации*, приспособления к обыденности.

При этом социальная объективация, представленная в ракурсе принуждения и насилия, исходит из «хочу», в угождение которому современный человек пытается преобразовывать реальность, создавая действительность. «Пафос нового человека – избавиться от всякой реальности, чтобы «хочу» законодательствовало вновь строящейся действительностью, фантазмагоричной, хотя и заключенной в разграфленные клетки», ибо для него «действительность существует лишь тогда и поскольку, когда и поскольку наука *соблаговолит* разрешить ей существовать, выдав свое разрешение в виде сочиненной схемы, схема же эта должна быть решением юридического казуса, почему данное явление может считаться всецело входящим в заготовленное разграфление жизни и потому допустимым»¹⁹. Но вся суть в том, что выдаваемые наукой *схемы* означают не просто упрощение жизни, а предстают *войною с жизнью*, искажающей саму жизнь как реальность, ибо «ни математические формулы, ни механические модели не устраняют реальности самого явления, но стоят наряду с нею, при ней и ради нее. Объяснение хочет снять самое явление, растворить его реальность в тех силах и сущностях, которые оно подставляет вместо объясняемого»²⁰. Схемы научного мышления, отрицающие в своем основании и природу и человека (его внутренний духовный мир), ибо служат *поверхностным хотениям* (без попытки войти в свою тайну) нового человека, в конечном итоге завершились *формальным провозглашением прав* человека, ориентированных прежде всего на *ближайшие средства* их осуществления и удовлетворения. Отсюда и возникает «институт» как *поверхностная норма насилия социальной объективации* (именно в таком весьма примитивном, в отличие от *классического институционализма*, понимании *неоинституционализм* употребляет слово «институт», хотя когда оно прицепляется ко *всему* наблюдаемому и иллюзорному, то и это примитивное понимание симулякризуется и выхолащивается), которой *безразлична* внутренняя духовная природа человека.

Амбиции современного неоинституционализма как «новой всеобщей панацеи» основаны на *игнорировании* важнейших фундаментальных положений, которые становятся весьма понятными тем, кто ознакомится с работами классиков институционализма и умеет глубинно размышлять в *методологическом* ключе в поле *новейших* научных человековедческих исследований. Здесь следует обратить внимание, по крайней мере, на три основательного рода аспекта неоинституционального анализа, от *замалчивания* которых проистекает его поверхностность, стремление к безмерной экспансия и гламурный блеск, скрывающий схоластику и всеверие в ярлыки-идолы: «институт» и «институциональный».

Во-первых, само сведение институтов к нормам и правилам, а по сути, к установлениям каких-то написанных на бумаге юридических документов и созданию учреждений (институций), для чего необходимо весьма *недлительное время*, *выхолащивает сущностный, духовно-идеальный смысл* (он является главным) института, который формируется и закрепляется многими *десятилетиями*, а то и *веками*. Институт – это, прежде всего, *духовный феномен* и сводить его к *временной правовой норме* или правилу – значит мало что понимать в сложной реальности жизнедеятельности человека, ограничив «барахтание» мысли на поверхностном явленческо-модном уровне. «Институтом называется культурозначимый, составляющий смысловую взаимосвязь, гарантированный нравами и

¹⁸ См.: там же. – С. 444.

¹⁹ Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 44-45.

²⁰ Там же. – С. 103.

правом, порядок, через который осуществляется совместная жизнь людей»²¹ – примерно таким образом нужно трактовать институт в современном понимании, которое развивает традицию институционализма, не извращая сущностного понимания института.

Во-вторых, современный неоинституционализм за институтами уж напрочь *не видит человека, личности*, то есть игнорирует те три аспекта, на которые указал в своем фундаментальном исследовании институтов В.М. Быченков: 1) всякое институциональное установление осуществляется, реализуется посредством решений и действий *личности*, не говоря о том, что и формируется людьми; 2) реформирование и совершенствование институтов также осуществляется *личностями*; 3) решение текущих проблем достигается на основе *личностных* актов, но и осуществление стратегических задач, требующее институциональной базы, тоже имеет *личностный* характер, ибо как эта база, так и сама стратегия является *личностно* формируемой²². Но проблема взаимоотношений личности и института, соотношения личных и безличных, внеличных (надличных, сверхличных) установлений практически неоинституционалистами *не исследуется*.

Поэтому, *в-третьих*, игнорируется тот момент, что институт в неоинституциональной трактовке как *норма* «появляется» только где-то на *тринадцатом*²³ поверхностном уровне личностной актуализации и реализации. Здесь вертикальный срез *про-явления* сущности, как минимум, «проходит» *тринадцать* уровней личностной актуализации и реализации, где лишь на *последнем* уровне возникают *институты*. «Явление» сущности, *предположительно* «проходит» следующие уровни: всеединство (единство безусловного бытия²⁴); смысловой континуум; морфологические поля; сознание; первичная «клеточка» его развертывания-реализации – «гены-мемы-уны»; «мемы – уны»; архетипы; ценности; мотивы; потребности; интересы; психосоциокультурная матрица, а затем лишь сущность «является» в институтах. Конечно, выделение этих уровней имеет теоретико-аналитическую цель, но оно необходимо, если стоит задача *научного* познания-объяснения сути института как *определенной жизнедеятельностной формы*, производной от сущности и целостной природы человека, творящего хозяйство, от реальностей очеловечивающегося мира. При этом важно знать именно *условность* такого деления-понимания, ибо между выделенными уровнями *точные границы* не могут быть определены, так как само понятие «точная граница», непосредственно заимствованное из области пространственных отношений и вполне подходящее к области чисто *логических* отношений, не приложимо без надлежащих оговорок ни к чему конкретно-реальному и живому; в данном случае к *реальностям духа*, к духовному²⁵.

Без понимания сути и роли *каждого уровня* в процессе реализации сущности вряд ли возможно рассматривать суть, значение и место институтов в целостной человеческой жизнедеятельности. Да без этого весьма проблематично сформулировать и само *определение* института, которое бы «схватывало» его суть. Поэтому так широко распространилось весьма *упрощенно-поверхностное* сведение «института» к нормам и правилам. Только какой научный смысл в том, что одну традиционно-*понятную* трактовку-категорию («норма») заменить другим *менее внятным* словом «институт»?

²¹ Ермоленко А.Н. Этика ответственности и социальное бытие человека (современная немецкая практическая философия). – К.: Наукова думка, 1994. – С. 114.

²² См.: Быченков В.М. Институты: Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъективности. – М.: Российская академия социальных наук, 1996. – С. 78-79 и др.

²³ И то это при том, что выделяются весьма укрупненные уровни анализа, каждый из которых может быть еще более подробно расписан и проанализирован.

²⁴ Всеединство как общая последняя глубина в непостижимом (С.Л. Франк).

²⁵ См.: Франк С. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 295.

Игнорирование выделенных трех основополагающих в методологическом плане аспектов *именно четко* свидетельствует о том, что качество, место и роль современной неoinституциональной теории в познании *целостного* мира человека и хозяйства не являются столь фундаментально значимыми, как их пытаются представить неoinституционалисты. Другими словами можно сказать, что *поверхностность* и *искусственность* неoinституциональной теории обусловила *изначально* ее движение *тупик*, выход из которого возможен лишь через *углубление-познание внутреннего мира человека как личности*, в статусе которой он является также и *изначально* внутренне целостным *субъектом* хозяйственного созидания. Время *экстенсивного* всплытия-кружения *неoinституциональной пены* завершилось, но это должны понять, прежде всего, сами неoinституционалисты, количество которых среди экономистов сегодня растет в геометрической прогрессии, но, к большому сожалению, *прироста нового сущностного знания*, продвижения *к истине* отнюдь *не наблюдается*. *Говорение* об институтах в преимущественном большинстве своем выливается в *пустословие* и даже *бессмыслицу*, в гламурное ошарашивание *популярной и ленивой* к размышлениям публики изысканно-схоластическими абракадабрами. Оно оборачивается не спасительными хозяйственными реформами, а *зомбированием* массового сознания в направлении *непонимания*, *поверхностного упрощения* и *схематизма*, которые *подрывают* сами *основы* цельного мировоззрения и целостной жизнедеятельности человека. «Отвлеченные схемы, они же перспективные единства, перспективы, если допустить такой идеологизм, *вытеснили из жизни личность*, и ей приходится *полузаконно ютиться* где-то *на задворках*, работая на цивилизацию, ее губящую и ее же поработашающую»²⁶ (выделено мной – Г. З.). Представляется, что именно отсюда и проистекают все наши беды и кризисы-катастрофы.

Здесь перед человеком размышляющим и стремящемся к постижению *цельного* мирохозяйства несколько приоткрывается сама тайна столь насильно-всеохватного *вменения* неoinституционализма. Он становится современной *формой удержания человека от истинного творчества*. Его необходимо рассматривать в русле реализации давно заданной тенденции оставить человека в неведении относительно его истинной природы как существа свободного, обладающего творческой мощью, «как призванного царя творения»²⁷. Установка на *послушание*, которой ознаменованы религиозные эпохи ветхозаветного закона и новозаветного искупления, продолжает действовать, является препятствием для перехода в эпоху религиозного творчества, которой в этом мире еще не было, несмотря на то, что отдельные порывы творчества составляют ценности цвета человеческой культуры. «С послушанием нельзя творить в мире», «даже в гениальном расцвете «наук и искусств» дух послушания с роковой неизбежностью заглушал дух творчества», а эти гениальные порывы «в общем и общеобязательном ходе мировой культуры и «науки и искусства» были формой приспособления к необходимости»²⁸.

Если вникнуть в само название (теперь – и вездесущий ярлык) «институт-норма», то в нем заключена все та же вековая установка-ориентация на тенденцию *послушания*, осовремененная и сделанная на стыке столетий *модой*, а тем самым и представшая в якобы новой, внешне огламуренной «про-двинутой» форме. Неoinституционализм потому и необходимо рассматривать как *поверхностную* (без глубинного понимания) форму недопущения перехода человека в религиозную эпоху творчества, которая неизбежно связана с *личностной свободой*, *самореализацией* человеком *самосознания своей царственной свободы-творчества*. С целью воспрепятствования истинному творчеству *концепт института* сознательно запущен в повсеместно упрощающееся дискурсивное научное мышление хранителями эзотерической тайны божественного откровения и священного писания о том, что «творческая тайна сокровывается человеку и открывается

²⁶ Флоренский П. У водораздела мысли: Черты конкретной метафизики. – М., 2009. – С. 342.

²⁷ Бердяев П.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М., 2011. – С. 107.

²⁸ Там же. – С. 109.

человеком»²⁹. Этого-то именно современному человеку, дескать, и не надо знать-понимать. Поэтому необходимо навязать мысль о том, что важны и имеют значение в этой жизни только институты-нормы, а самого человека *принизить*, отбросить на задний план, сведя его статус и роль лишь к *функции* послушания, подчинения и исполнения.

В этом скрывается глубинный, сущностный уровень миропонимания, из которого следует постижение того, что «местопребывание зла, как и добра, есть незримая глубина человеческой души, недостижимая ни для каких *внешних* насильственных действий и достижимая только для духовных сил любви – или ненависти. Никакими *внешними* действиями, никаким принуждением – вплоть до уничтожения через убийство самого преступника – нельзя сущностью уничтожить, развеять зло, потушить пожар злых страстей. Но наряду с этой обязанностью сущностью уничтожить или ослаблять зло любовью мы имеем еще иную обязанность, также диктуемую любовью: спасти людей от действия существующего зла путем *простого ограждения* мира, путем возможного изолирования зла, преграждения ему путей для его разрушительного действия»³⁰ (выделено мной – Г. З.). В этом *овнешненном ограждении* мира и следует рассматривать концепт института-нормы и его *подчиненную, обслуживающую роль*, которая в принципе соответствует «науке и искусству» как послушанию, приспособлению к природной *необходимости* в данном мире. Но всегда надо понимать и помнить, что *институт-норма* есть *объективированное, внешнее* для природы человека, личности *препятствие* в реализации тайны самосознания Чело-Века как лика, лица, обращенного к вечности, где в его первородстве заложен *дар свободного и ответственного творчества*.

Неоинституционализм – это современная форма очередной *поверхностной*, но все той же по сути, *утопии*, которая, как хамелеон, оборачивается «разными красками». Этой новой-старой утопии пытаются придать притягательный для *леносного ума* вид, отвлекая от осознания и решения истинных проблем раскрытия человеческой *личностной* природы, проблем человека как *микрокосма*. Все дело в том, что «утопии глубоко присущи человеческой природе, она не может даже обойтись без них. Человек, раненный злом окружающего мира, имеет потребность вообразить, вызвать образ совершенного, гармонического строя общественной жизни»³¹. И этот образ представляется как мир целостный, ибо человек живет во внешне раздробленном мире и свою неудовлетворенность, нужду связывает именно с этой раздробленностью, отчужденностью. Сама целостность в обыденном представлении сводится к чему-то целостно-*внешнему*, целостно-*объективированному*, которое связывается с *вещественно-пространственным* миром, в лучшем случае с уровнем *социальности*. В таком представлении «целостность есть главный признак утопии. Утопия должна преодолеть раздробленность, осуществить целостность. Утопия всегда тоталитарна, и тоталитаризм всегда утопичен в условиях нашего мира. С этим связан самый главный вопрос – вопрос свободы. В сущности утопия всегда враждебна свободе»³².

Если в этом ключе рассматривать *экономизм*, а он по определению не может не быть *материализмом*, то в нем свобода представлена в *юридической поверхностной* концептной форме, мягко говоря, мало что сохраняющей от истинной человеческой свободы. Концепт прав собственности в аспекте нашего анализа предстает лишь формой *юридического* приспособления человека к необходимости природного существования, и он же является тем основанием, из которого разворачивается течение неоинституционализма. «С большей последовательностью и радикализмом истолковывает экономический материализм всю творческую культуру как послушание необходимости, как приспособление к состоянию

²⁹ Там же. – С. 107.

³⁰ Франк С. С нами Бог. – М., 2007. – С. 244.

³¹ Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ, 2006. – С. 136.

³² Там же. – С. 137.

человека, отяжелевшего от погружения в материальные сферы бытия... Экономический материализм – самая совершенная и крайняя философия греха, философия человека, не искупившего грех и ведающего лишь закон... Экономический материализм есть выражение подавленности человеческого духа»³³, ибо дух раскрывается в свободе, свободном творчестве. Он дышит, где хочет. Для человека после искупления Христом всех грехов человеческих «новым» грехом является *нетворчество*, нереализация в деятельности своей царской миссии творения, которая сокрыта, но и представлена в том, что человек создан «по образу и по подобию». «Человеческая природа – творческая, потому что она есть образ и подобие Бога-Творца. Что образ и подобие Творца не может не быть творцом, эта антропологическая истина не была еще с достаточной силой и полнотой осознана в предшествующие религиозные эпохи»³⁴.

Неоинституционализм даже в экономическом аспекте рассматриваемый связан прежде всего с нормоформированием, правом, законодательством, ибо «практическим воплощением институционального проектирования служит деятельность государства по развитию законодательной базы реформ»³⁵. При это весьма важно четко понимать и исходить из того, что «закон правовой или государственный, так же, как и закон в форме обычая, правил добропорядочности, добрых нравов и т. п., – есть лишь *вторичное, неадекватное, обремененное всем несовершенством* человеческой субъективности отражения закона нравственного, или – что то же – «естественного права», т. е. того порядка, который при данных конкретных условиях необходим, чтобы оградить жизнь от зла и обеспечить ей наиболее благоприятные условия. Этот закон в качестве совокупности «правил поведения», имеет, с одной стороны, характер строгих, незыблемых правил, нарушение которых недопустимо и есть зло и грех; и, с другой стороны, эти общие правила *именно* вследствие *своей абстрактной общности* оказываются *недостаточными*, чтобы достигнуть в каждом данном конкретном случае своей цели, – именно *живой правды*, и могут даже вступать в конфликт одно с другим»³⁶ (выделено мной – Г. З.).

С другой стороны, игнорирование живой правды, которая весьма поверхностно отражается законами государства, способствовало тому, что в *западном менталитете* мышление «пучками правомочий» весьма хорошо прижилось и совершенно *некритически* и *подражательно* было воспринято и отечественными экономистами как выражение последнего слова западной экономической мысли. По этому поводу весьма существенное замечание сделал А.И. Московский: «Совершенно незаметно в словарь российских (и украинских – Г. З.) экономистов вошла терминология юриспруденции: «правомочия», «транзакция» (сделка), «контракт» (договор) – все эти понятия прежде всего юридические. Но экономисты этого, кажется, не заметили и стали обращаться с этими терминами как с понятиями экономическими – и вполне добротными, стоящими в одном ряду с «ценой», «издержками», «предельной полезностью» и т. д., игнорируя полностью различия предметных областей юридической и экономической наук», что неизбежно привело к тому, что институциональная экономика «в своем основном массиве исследует *не экономические*

³³ Бердяев П.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М., 2011. – С. 109, 110.

³⁴ Там же. – С. 117. С этим можно согласиться лишь частично, ибо об этом убедительно писал св. Григорий Палама, на что мною было обращено внимание в статье: Гламур экономической науки как выхолащивание сущностной рациональности // Социальная экономика, 2008, № 1-2, с. 39. Вместе с тем можно согласиться, что данный аспект до определенного времени широко не освещался в святоотеческой литературе.

³⁵ Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. – М.: УРСС, 2002. – С. 406.

³⁶ Франк С.Л. Свет во тьме. – М., 1998. – С. 154-155.

явления, а проблемы политики, права, социологии, называя себя тем не менее «институциональной экономикой»³⁷.

Важно понимать, что правила, нормы, законы, т. е. то, что в неoinституционализме называется институтами, *производны, вторичны* от духовно-нравственных предисток-ценностей: они фиксируют *результат* процесса *объективации ноуменального мира*, который лишь *приблизженно* и *искаженно* «предстает» в *феноменальном* мире, окружающем человека и во многом им же творящимся. Поле категорий, в которых человек пытается зафиксировать некие *смыслы*, есть поле *постоянных приближений*, «вытаскиваемых» из *семантического континуума* человеческим воображением и *фильтруемых сознанием* человека. Весьма схематично этот процесс можно представить как некое постоянное напряжение между слоями надсознательного и подсознательного, которое «улавливается» сознанием и предстает в определенных *осознанно-построенных образах*, вытягивающих-фиксирующих некие сгустки информации как точки взаимопереплетения предсмысловых векторов в явленном сформированном смысле. Явленный смысл (образ) здесь предстает как точка (нервный узел) «стыка» разнонаправленных векторов в модели молекулярной структуры. При этом в данном образе уже застывает сам процесс поиска, смыслообразования, творчества; образ может быть основанием нового процесса поиска, нового творчества. Но образ вместе с тем может предстать (и обычно предстает) неким пределом (*нормой*), в который «заталкивается» все наличное бытие. Если же что-то в данном бытии не укладывается в данный образ, то это «что-то» все же пытаются подвести, втиснуть в «образ». Налицо механизм *инверсии*, на котором основана вся неoinституциональная теория и практика, ибо в самом правиле или норме сутью является именно *фиксированность, неизменность, ставищность*. В строгом смысле здесь *нет и не может быть* никакого *развития* (более того – даже некоторого изменения), в основании имеющего *творческий импульс, творческий акт*. Тем самым неoinституциональный «институт» как таковой является «выходом» из поля творчества, из поля свободы, из сферы духа, который предзадает «специфику», сущностную природу человека.

Здесь сам собой всплывает вопрос о том, насколько глубока «институциональная» рефлексия? Какой уровень житнетворения она может отражать? И далее в размышлениях появляются, как минимум, две основные линии, которых при серьезном научном подходе избежать невозможно, ибо они фиксируют, условно говоря, поверхностность и глубинность своеобразного «*институционального*» мира. Поверхностность соотносится преимущественно с *институциями*. В принципе именно об институциях и толкует неoinституционализм, негласно предполагающий, что институт (но на самом-то деле – именно *институции!!!*) можно сформировать за *несколько лет или дней*, что собственно и находится на переднем плане у *институтостроителей*. Глубинность институционального подхода в отличие от нынешней неoinституциональной поверхностности была заложена *классическим институционализмом*, когда под институтом понимались некие *духовные феномены, формировавшиеся веками, а то и тысячелетиями и соотносящиеся с постижением вечных ценностей-проблем-задач мироздания*. Недоучет, *игнорирование* этого различия не просто вносит *путаницу* в современные умы, но и весьма *затуманивает* путь постижения сложной и многоуровневой реальности, течение-дление которой совершенно неподвластно никаким амбициозным институтостроителям³⁸.

³⁷ Московский А.И. Актуальность определения предмета исследования в институциональной экономической теории: проблемы философии и методологии // Экономическая теория в XXI веке – 4(11): Институты экономики. – М.: Экономистъ, 2006. – С. 6, 12.

³⁸ *Игнорирование различия* терминов «институция» и «институт» *сознательно задано* в неoinституциональной теории с тем, чтобы создать *видимость* некоей научности. О роли неoinституционализма (института-нормы) можно судить из следующего утверждения И. Бирмана: «...в экономике (и схожих науках) в общем-то гадают без твердой уверенности в результате, употребляют инстинкт вместо науки, а наинаучные методы предсказаний, скажу

Если взять, к примеру, наиболее часто упоминаемый сегодня институт «демократия», который, согласно современной неинституциональной теории является, якобы, самым необходимым человеку и обществу, то непредвзятый анализ показывает, что более скрытного *противочеловечного, противолычного* феномена вряд ли можно придумать-построить, ибо на деле он несет *двойные* стандарты и служит *власти ачеловечных* по своей внутренней природе денег³⁹: деньги – всё; человек – ничто. Все другие, проектируемые и *построенные* человеком институты, – всего лишь разновременные *институции*, призванные обслуживать амбиции-притязания денежной власти. И ни о каком глубинном пласте, восходящем к уровню духовно-нравственных жизненно-человечных оснований-ценностей здесь и речи быть не может, как говорят, по определению. Но неинституционализму это *совершенно безразлично*. Он преследует четкую, но не всегда озвучиваемую цель – пытаться «объяснить явления социальной жизни, опираясь на фундаментальные положения неоклассики о максимизирующем поведении и методологическом индивидуализме» и «объединить все социальные науки на базе неоклассической теории»⁴⁰. *Экономизмический* империализм просто изменяет *форму* своих амбиций-проявлений.

Отсюда и финансово-экономический кризис, который пытаются всеми правдами и неправдами выдать за нечто такое, что будто бы покоится в глубинах жизненных процессов и от него зависит все остальное в этом мире. Стоит только поменять угол зрения: перейти от уровня институций, в выхолощенном виде сегодня называемых институтами, на уровень истинного, глубинно-духовного понимания институтов, и сразу же гламурная пелена финансово-экономического кризиса растворяется и открывается его понимание всего лишь как *одной из поверхностных* форм глубинного духовно-ценностного кризиса, который более-менее определенно-понятно можно назвать *мировоззренческим кризисом*.

Обзывание *институций* институтами (это своеобразная метка, маркер неинституционализма) носит далеко идущую цель *увековечивания временных институций* как неких норм, которые «менять нельзя», но им надо поклоняться-подчиняться, благодаря вменению их общественному и индивидуальному сознанию как неких *идолов*. Временному тем самым якобы придается статус вечного, а на понимание-постижение-творчество накладывается *жесткая узда*. Результат налицо: «Вместо свободы западный институционализированный человек – психическая машина – становится игрушкой экономических, социальных и политических манипуляций со стороны «играющих людей» сетевого Мирового правительства, когда человек превращается в шизофреника, т. е. в набор психических автоматизмов (желаний), у него, как свидетельствует психиатрия, не только теряется персонализация, но и чувство реальности. Душа человека распадается на глазах. Но, собственно, именно этого распада человеческой субъективности и добиваются постмодернисты», для которых главное – *шоу-экономика* и *шоу-бизнес* с тем, чтобы превратить человека в потребляющую и голосующую машину. «Человек-автомат или общество-автомат лишены ума, сознания и самосознания, они утрачивают субъектность,

не в последний раз, не выходят за рамки экстраполяции. Значение факторности не только в множественности, но и в непостоянном характере взаимодействия, а потому малой предсказуемости роли каждого отдельного фактора и их частно-конкретных сочетаний. Что же касается человеческих действий, то и при всех недавних успехах социологии-психологии нелегко угадать как слово-поступок-событие конкретно отзовутся в экономике» (Бирман И. Я – экономист (о себе любимом). – М.: Время, 2001, с. 211).

³⁹ «Здесь люди бывалые, прицерковные, объяснят сбившимся, что «демократия» (никогда не появляющаяся на публике без кавычек) есть лживый, подлый псевдоним Мировой Закулисы, плетущей и насылающей заговоры на последний оплот правоверия, что настоящее имя ей – «демонократия», в переводе бесоправство, если без экивоков» (Свящ. Вл. Зелинский. Свиток свободы // Человек. История. Весть. – К.: Дух і літера, 2006, с. 18).

⁴⁰ Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. – М.: УРСС, 2002. – С. 297.

идентичность и вообще способность к самоидентификации. Они способны только к низшим формам психической деятельности, т. е. дебилизируются и деградируются»⁴¹.

Сам же неоинституционализм, замкнувшись в своей воображаемой «самодостаточности» и «фундаментальности», не понимает того, что «механическое смешение разных концептуальных подходов ведет к появлению «институциональных козлотуров» – эклектического винегрета из институциональных представлений», а «новая институциональная теория» в своем основном массиве исследует *не экономические* явления, а проблемы политики, права, социологии, называя себя тем не менее «институциональной экономикой». Более того, в этих курсах нередко пропагандируется идея о том, что новый институционализм сменил или заместил собой институционализм классический, что, мягко говоря, не соответствует действительности. Это создает дополнительные проблемы преподавания экономической науки»⁴², а «в растущей массе литературы, посвященной институциональной проблематике, просматриваются две удручающие вещи: крайне низкий методологический уровень публикаций и почти полное незнание российскими (а еще больше украинскими – Г. З.) экономистами современных институциональных исследований в западной экономической науке. Я подчеркиваю слово «экономической», поскольку, как уже было показано, *новая институциональная экономика* (New Institutional Economics – NIE), в отличие от *старой, исходной институциональной экономики* (Old, or Original Institutional Economics – OIE), в точном смысле слова не может называться теорией, исследующей собственно экономику (в лучшем случае она исследует некоторые частные правовые аспекты экономики), – она представляет собой приложение идей неоклассической теории к анализу некоторых (!) феноменов прежде всего права, но также политики, демографии, социологии, криминала. Утверждая это, я и не пытаюсь делать оговорку «по моему мнению», поскольку не это мнение выражаю, а просто констатирую представление западных экономистов о явлении экономического империализма, известного им уже более двух десятков лет»⁴³.

Все это весьма четко свидетельствует, что современный *неоинституционализм* весьма далек не только от постижения духовного мира, духовной природы человека, но и весьма далек даже от принципов новой *постнеклассической* науки; он предстает как *модная гламурная манипулятивная идеология-технология*, преследующая цель *апологетики античеловечного, антижизненного, антиличностного предзаданно-кризисного общественно-искусственного обустройства мира сего*.

Вредоносную практическую роль неоинституционализма как оружия неолиберальной глобализации весьма доходчиво объяснил В.М. Коллонтай; «На протяжении последней четверти века неолиберальная глобализация непрерывно (на конкурентно-конфликтной основе) приводила в тесное соприкосновение и взаимодействие общества с самыми разными уровнями хозяйственного развития, с различными идейно-политическими установками, с далеко не одинаковым культурным и историческим наследием. Сформированные темпы этого процесса и полное пренебрежение к национальным особенностям придали ему невиданные противоречивость и конфронтационность. Трансплантация отдельных черт и элементов, отдельных институтов, структур и механизмов из более сильных (или более развитых в каком-нибудь отношении) стран в другие общества, как правило, не сопровождалась ни их приспособлением к новой среде, ни серьезной адаптацией к ним принимающих обществ. Неолиберальная глобализация систематически преднамеренно взламывала целостность сформировавшихся обществ и государств, существующих национально-хозяйственных комплексов, сложившихся культур, религий, систем ценностей,

⁴¹ Попов А.К. Социальная физика институтов // Экономическая теория в XXI веке – 4(11): Институты экономики. – М.: Экономистъ, 2006. – С. 41, 40.

⁴² Московский А.И. Актуальность определения предмета исследования в институциональной экономической теории: проблемы философии и методологии // Экономическая теория в XX веке – 4(11): Институты экономики. – М.: Экономистъ, 2006. – С. 10, 12.

⁴³ Там же. – С. 13-14.

приоритетов»⁴⁴. В результате – падение уровня жизни абсолютного большинства населения, резчайшая имущественная дифференциация, развал национальных экономик, прежде всего реального сектора, падение уровня образованности и культуры, деградация нравов и морали, усиление степени недоверия, дрейф на обочину маргинальной жизни⁴⁵.

И все это произошло не в последнюю очередь из-за того, что современное научное мировоззрение сделалось совсем уж *несоизмеримым с человеческим духом*, ибо сооружена была некая *механическая машина*, в которой человеку, его способностям и истинным человеческим потребностям было негласно отведено место где-то на задворках. Экономическая наука, особенно в своем *неумном подражании заморской неоклассике* в ее современных гламурных формах *экономикса* и *неоинституционализма*⁴⁶ утратила основной масштаб – *самого человека*, которым должны определяться все остальные ее масштабы. Об этом уже не один раз писали выдающиеся мыслители, но экономисты-ученые в своем *поверхностном кабинетном мышлении* предпочитают не опускаться *в сущностные глубины человека и жизни*. И в силу такого кризисно-длящегося состояния экономической науки сегодня вновь чрезвычайно актуально звучат слова замечательного русского мыслителя П. Флоренского о том, что отвлекаться можно от чего угодно (ныне в экономиксе и особенно в неоинституционализме речь идет *о полном отвлечении от человека и его личности!*) и воображать себе можно все что угодно, «но ведь эта возможность опирается на жизненную **безответственность такого мыслителя**: он заранее уверен, что его построения не придется проверять жизнью и потому фантастичность их не будет изобличена подлинными потребностями живого человека. Такому мыслителю нет дела до мира; выхватив облюбованный кусочек жизни, он ведет себе свою линию куда-то в сторону от жизни и, естественно, не получает окрика в той пустоте субъективности, куда он устремился. Он сам по себе. Но, став таким, мысленно уйдя от человечества, он становится и *вне себя*, вне себя самого: ибо, как человек, не может же он уйти от человеческой природы, а следовательно, и связи с человечеством. Но это бесчеловечная субъективность, по какому-то странному недоразумению себя объявляющая объективностью (себя!), вносит в мыслителя раздвоенность сознания, и, как мыслитель, он думает и говорит в прямой противоположности тому, что думает и говорит как человек. С кафедры он отрицает тот масштаб, которым одним только он измеряет жизнь на самом деле и который дает ему жизненные силы также и для деятельности на той же кафедре»⁴⁷ (выделено мной жирным – Г. З.).

⁴⁴ Коллонтай В.М. Глобализация и 11 сентября // Философия хозяйства, 2001, № 6. – С. 20.

⁴⁵ Комплексное и весьма подробное исследование украинских реальностей такого дрейфа проведено Н. А. Шульгой, заместителем директора Института социологии НАН Украины (см.: Шульга М.О. Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні. – К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. - 448 с. Мова рос.)

⁴⁶ В этой связи можно говорить о *профессиональной некомпетентности* экономистов, прежде всего неоинституционалистов, для которых «критика перестала быть аналитическим инструментом рационального мышления. На таком фоне пышно расцвела полная, абсолютная, некритичность мышления вообще, но в особенности по отношению к идеям, заявленным западными экономистами – даже весьма сомнительные и жалкие из них заведомо воспринимаются у нас как последнее и несомненно передовое слово науки. Стал господствовать и сознательно утверждаться внутренне противоречивый и крайне ущербный принцип плюрализма мышления, который подавил представление о том, что мышление есть общественный феномен» (Московский А.И. Актуальность определения предмета исследования в институциональной экономической теории: проблемы философии и методологии // Экономическая теория в XX веке – 4(11): Институты экономики. – М.: Экономистъ, 2006, с. 15).

⁴⁷ Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 344.

И в заключение вновь об идолах и демонологии. Как пишет Н.Б. Шулевский, «есть над чем задуматься, но, к сожалению, нечем думать. Или разум покинул науку, или наука отказалась от услуг разума... не ученый использует демонологию, а наоборот, демоны дают урок ликбеза ученому»⁴⁸. И у этой демонологии есть весьма четкий и ясный критерий: преклонение всему, чему угодно, но не *Чело-Веку*, не человеческой личности. Н.А. Бердяев писал, что «отречение от человека приводит к *безумной пустоте* понятий»⁴⁹ (выделено мной – Г. З.) и происходит это потому, что человек, создав мир идолов (институт-норма – наиболее распространенный модный идол среди современных отечественных экономистов!), сам может быть того не желая и не замечая, сознает «себя одной из внешних, объективированных вещей мира», а поэтому «не может быть активным познающим субъектом»⁵⁰.

Это же подтверждается Л.Н. Толстым, когда он всесторонне высказывался о *паразитизме науки*, прежде всего общественной. Из его наследия можно вполне обосновано сделать вывод, что «не зная и не понимая человека как личность, общественные науки придумывают законы и правила сразу для всего общества и человечества, насильственно затем принуждая индивидов жить по своим искусственным уставам, создавая для поддержки и осуществления этого насилия массу институтов и организаций»⁵¹.

И уже впору говорить не об экономической науке, а о некоей *экономической демонологии*, которая вездесуще явила себя в гламурной содержательно пустой форме-упаковке «экономического института». Неразмышляющему большинству почти что рай: научился *почаще без повода и смысла* с первого раза выговаривать слово «институт» или «институциональный» – то уже, как минимум, получи диплом кандидата экономических наук. Поэтому-то и страна по числу кандидатов и докторов экономических «впереди планеты всей», но вылечить кризисную экономику некому: «институты» – всего лишь та дорогостоящая «халва», от которой во рту слаще не становится.

Но более сущностно и жизненно, спасительно: «Русский язык – это роскошный барин, умеющий за себя постоянно. За почтение к себе он возвысит человека до мага. Но за презрение, засорение и порчу он *изувечит подсознание и опустит интеллект до тупости*. Современные псевдоинтеллектуалы настолько туманно выражаются, что сомневаешься в ясности их понимания того, о чём хотят сказать»⁵². Но такое непонимание весьма серьезно ставит вопрос о жизненной цене, ибо «когда человек тонет, а его спасают америклопы, то он не думает о цене этого спасения, хотя вполне возможно, что спасли его-то в качестве живого материала для биоэкспериментов. Искать новое и лучшее можно, но не ценой тотального отрицания жизни и смысла, ибо здесь нарушается та незримая грань, за которой уже не человек что-то ищет, а его уже нашло ничто, сделав его орудием своих исканий новых жертв»⁵³.

Г.В. Задорожный
главный редактор

⁴⁸ Шулевский Н.Б. Терроризм в зеркале философии // Философия хозяйства, 2005, № 3. – С. 111.

⁴⁹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 54.

⁵⁰ Там же. – С. 62.

⁵¹ Шулевский Н.Б. проблемы науки и хозяйства в творчестве Л.Н. Толстого // Философия хозяйства, 2008, № 4. – С. 240.

⁵² Из лекции Ю. Ларичева «Основы парадоксальной философии. Теоретическое обоснование психотронного оружия».

⁵³ Шулевский Н.Б. Встречи с Иным в философии хозяйства Ю.М. Осипова. – М.: ТЕИС, 2007. – С. 19.